

ОДРИ

ХЕПБЕРН

ОТКРОВЕНИЯ О ЖИЗНИ,
ГРУСТИ И ЛЮБВИ

Софья Бенуа
Одри Хепберн. Откровения
о жизни, грусти и любви
Серия «Женщина, покорившая мир»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056175

Софья Бенуа. Одри Хепберн. Откровения о жизни, грусти и любви: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0401-9

Аннотация

Одри Хепберн – аристократичная и талантливая, она с первого взгляда вызывала лишь восторг. Ее часто сравнивали с принцессой, с ангелом, с эльфом; на нее мечтали стать похожими все девушки XX века. Актриса блистала в главных ролях в культовых фильмах Голливуда «Римские каникулы», «Сабрина», «Завтрак у Тиффани», «Моя прекрасная леди» и др. Благодаря своей потрясающей, необыкновенной красоте Одри Хепберн стала лицом модельного дома Живанши, а вместе с тем – лицом целой эпохи!

В последние годы жизни «эльф Голливуда» была послом доброй воли ЮНИСЕФ, занимаясь спасением детей, живущих в неблагополучных регионах планеты. Но в биографии этой удивительной женщины не только героика и восхищение зрителей, но и глубокий трагизм Неразделенной Любви...

Биографическая книга об Одри Хепберн прекрасно иллюстрирована photographиями, сделанными в разные периоды жизни трогательной актрисы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Софья Бенуа Одри Хепберн Откровения о жизни, грусти и любви

Глава 1 Баронеты ван Хемстра. семейные тайны голландского рода

Рассказ об Одри Хепберн, об этом трогательном ангеле, следует начать с детства, однако она сама о детстве вспоминать не любила. И если в годы ее славы журналисты задавали назойливые вопросы о ее самых юных годах, актриса ненавязчиво переводила любопытство интервьюеров на другие, менее болезненные темы. Даже с самыми близкими друзьями она была немногословна, говоря на эту тему.

Мать Одри – баронесса Эльбриг Вильгельмина Генриетта ван Асбек – была голландкой из древнего аристократического рода, в котором были как крупные землевладельцы, офицеры, так и чиновники высокого ранга и придворные. Семейное древо ван Хемстра, в котором выросла баронесса Элла ван Хемстра, мать малышки Одри, вело свой отсчет с самого начала XVI века. Мать знаменитой актрисы родилась 12 июня 1900 года в фамильном поместье в Вельпе, в пригороде Арнема (расположенного в нескольких километрах юго-восточнее Амстердама). Но в детстве она жила в другом фамильном замке, который носил название Доорн. Кроме нее в семье было еще пятеро детей: четыре дочери и сын (по другим сведениям, в семье было девять детей). В венах баронессы Эллы бушевала смесь голландской, французской и венгерской крови.

Отец Эллы, барон Арнольд Ян Адольф ван Хемстра, занимал пост мэра города Арнема, также являясь высшим чиновником в министерстве юстиции. Биографы утверждают, что барон усердно служил нидерландской короне также и в колониях. Королева Вильгельмина назначила его губернатором южноамериканской колонии Голландская Гвиана (ныне Суринам).

Его дочь, баронесса Элла, вышла замуж накануне своего двадцатилетия за голландского аристократа, королевского конюшего Хендрика Густава Адольфа Карлса ван Уффорда. Впрочем, этот брак был и скоропалительным, и не очень долгим (он продлился всего пять лет). А произошло это так.

Родители, боясь, что взбалмошная, пресыщенная богатством дочь «пойдет в певички» (девушка хотела петь в опере), и стремясь отвлечь ее от глупых мыслей, направили ее первым классом на пароходе в Батавию под предлогом навестить родственников в голландских колониях. «Золотая молодежь» во все времена развлекалась одинаково: попав в столицу Индонезии, нынешнюю Джакарту, девушка стала проводить все время на бесконечных веселых вечеринках.

11 марта 1920 года – через пять месяцев после прибытия в Индонезию и за три месяца до своего двадцатилетия – в Батавию прибыли родители Эллы, чтобы присутствовать на свадьбе дочери. Жених был на шесть лет старше невесты и успешно занимался бизнесом в колониях. «Индонезия была не суровым пограничным постом, а шикарным заповедником для немногих предприимчивых иностранцев, сумевших прибрать к рукам экономику региона», – отчетливо и верно подметил Д. Спото.

Мать жениха происходила из знатного франко-голландского рода. Все обстоятельства предвещали долгий и выгодный союз. 5 декабря 1920 года Элла родила сына Арно Роберта Александра Карл ван Уффорда (в семье его называли просто Александр, Алекс). 27 августа 1924 года появился Ян Эдгар Брюс Карл ван Уффорд. А в начале 1925 года супруги прибыли в Арнем, где зарегистрировали свой развод. С этого момента Хендрик ван Уффорд навсегда исчезнет из жизни Эллы и своих малолетних сыновей.

Известно, что ван Уффорд отплыл на корабле в Сан-Франциско; там он познакомится с немецкой эмигранткой Марией Каролиной Роде, которая станет его второй женой. Спустя несколько лет он вернется в Нидерланды, где и умрет 14 июля 1955 года в возрасте шестидесяти лет.

Башня церкви Св. Евсевия города Арнема, в пригороде которого родилась мать Одри Хепберн и мэром которого был дед Одри. Фото 20 – 30-х гг. XX века

Девушку Эллу, обладавшую «романтическим характером», «тянуло к мужчинам с яркой наружностью и горячим темпераментом». Семейное предание рода ван Хемстра гласит, что барон, отец девушки, не раз предостерегал дочь от близкого общения с людьми искусства и театра, с людьми с темным прошлым и неясным будущим. К девятнадцати годам, до первого замужества, Элла более всего преуспела в пении и любительских спектаклях и подумывала о карьере оперной певицы. Но произошло то, чего опасались родители: именно с таким – представителем племени авантюристов – и связала свою жизнь Элла. Этот мужчина стал отцом будущей звезды большого экрана Одри Хепберн. Он был на шестнадцать-семнадцать (по другим сведениям, одиннадцать) лет старше своей супруги Эллы.

Никто так и не смог выяснить, откуда взялся Джозеф Виктор Энтони Хепберн-Растон и ему ли принадлежит имя, которое он носил. Однако это не мешает некоторым биографам величать его британским финансовым советником. Хотя никакими документами не подтверждается эта должность, на которой находился бы некий уроженец Лондона Хепберн или хотя бы Растон. Впрочем, чем он точно занимался, так это финансовыми махинациями. Не удивительно, что однажды он скрылся от нахлынувших проблем бегством в неизвестном направлении.

Тем не менее, этот человек все же не был проходимцем с улицы. И, возможно, в его венах также была толика благородных кровей, размытых туземной кровью. Джозеф имел желтоватый цвет лица, и весь его облик был несколько экзотичным, что передалось и его дочери Одри, обладавшей странной красотой. Дональд Спото считает: «Его отец, уроженец Лондона Виктор Джон Растон, работал в Богемии и там же женился на местной девушке, Анне Катерине Вельс. Бабушку Джозефа по материнской линии звали Кэтлин Хепберн». Фамилия Хепберн широко распространена и в Шотландии, и в Ирландии. Некоторые исследователи полагают, что Растон мог быть родом из Австралии, где осели его предки, потому что он хорошо знал страны и острова Тихого океана, – возможно, в силу этого он получил должность в британском министерстве иностранных дел. В этом ведомстве Хепберн-Растон с 1923 по 1924 г. числился почетным консулом в Сумаранге на Яве, тогда входившей в состав голландской Вест-Индии. С того времени за мужчиной закрепилось прозвище «яванский Джо». Известно также, что «дипломат» Джо оставил почетную должность не по собственному желанию.

Девушки Индонезии. Снимок фотографа из Голливуда Роберта Кока, 1936 г. Подобные картинки часто лицезрел отец Одри Хепберн

Вероятнее всего, замужняя баронесса Элла познакомилась с Дж. В. Э. Растоном на Яве, где проводила свой медовый месяц в начале 1920 года. Говорят, что в то время он тоже был женат на голландке Корнелии Вильгельмине Бископ. Но брачные союзы не стали помехой

на пути к прелюбодеянию. Их связь возобновилась через несколько лет, когда баронесса приехала погостить к отцу в Суринам.

По возвращении в Арнем она решила-таки разорвать брак с ван Уффордом, хотя у нее уже было двое маленьких сыновей – Ян и Александр. В двадцать пять лет она осталась одна с двумя детьми. Отчаянно влюбленная женщина отправилась в Индонезию, где 7 сентября 1926 г. в Джакарте вступила в брак с Хепберн-Растоном (он развелся незадолго перед этим событием). Ее любовь была слепа, ибо новый супруг баронессы не владел никакой собственностью, что, конечно же, вызвало гнев всего старшего поколения семейства ван Хемстра. «Джозеф Растон – обычный авантюрист, который женился на ней лишь для того, чтобы жить, пользуясь положением ее аристократической семьи. Он даже не пытался найти источник доходов... Через год после свадьбы супруги начали яростно ссориться из-за денег, безделья Джозефа и его полного безразличия к сыновьям Эллы», – уточняют для нас биографы.

Элла с новым мужем возвратились в Европу; по понятным причинам чета осела не на родине баронессы, а обосновалась в Бельгии, в Брюсселе, где глава семейства занимал должность брокера и имел дела с «Бэнк оф Ингланд». Некоторые биографы Одри Хепберн пишут, что отец актрисы был управляющим брюссельского отделения. Однако, как выяснил биограф А. Уолкер, нет никаких данных, подтверждающих это, «ибо «Бэнк оф Ингланд» не имел и не имеет нигде отделений». Кроме того, тот же автор утверждает: «Гораздо более правдоподобным кажется, что Хепберн-Растон был независимым брокером. Единственное, что невозможно отрицать, – это его поддержку правых в политике. Его связь с фашистами со временем станет причиной жизненного краха Хепберн-Растона». А вот автор Д. Спото считает, что отец Одри в Брюсселе «приступил к работе в британской страховой компании на должности скромного клерка без конкретных обязанностей». С таким неясным прошлым можно также легко предположить, что отец Одри занимался профессиональным шпионажем.

Индонезия, заповедник Гугунг-Лесер. Экзотическое волшебство этих мест усиливало любовь матери Одри Хепберн к ее отцу, Джозефу Растону...

* * *

4 мая 1929 года в уединенном поместье в пригороде Брюсселя баронесса Элла родила девочку. Ее крестили, дав имя Эдда. Этот милый пухленький ребенок с большой головкой (какой девочка выглядит на ранних фото) станет известен всему миру под именем Одри. Кстати, у некоторых биографов утверждается, что «полное имя ребенка звучало так: Одри Кэтлин Растон»; «она родилась британкой, так как ее отец был британцем и в течение всей жизни Одри имела британский паспорт».

Сама девочка помнит из раннего детства трогательные картинки: над ней склоняются добрые, улыбающиеся лица родителей, комнату наполняют звуки граммофона. Или вот она лежит, как зачарованная принцесса, а над ее головой блестят сверкающими льдинками хрустальные подвески люстры. Не с той ли поры девочка полюбила белый цвет и сверкающие снежные зимы? Вот и другие биографы пишут: «Зима всегда оставалась любимым временем года Одри: белый цвет – ее любимый цвет, а Швейцарские Альпы с их занесенными снегом вершинами и речушками, покрытыми льдом, влекли ее к себе. К ним вернулась она, чтобы рядом с их величественной красотой и безмятежностью провести свои последние дни».

Когда девочка подросла, ее родители перебрались в Англию. С этого момента участились ссоры между родителями; «ирландское своеволие мужа никогда не отступало перед голландским упрямством жены». Одри, которая больше любила отца (что не такое уж редкое явление среди девочек), почти каждый раз при звуках семейной ссоры пряталась под обеденным столом, злясь на мать. Впоследствии, став взрослой, Одри – в отличие от своих родителей и памятуя свой негативный опыт – никогда ни на кого не повышала голос.

Маленькая Одри

Обратившись к исследованию британца Александра Уолкера, мы узнаем, как сформировался характер будущей звезды экрана. «Баронесса была строже, чем ее муж. Остро сознавая то, что у нее за плечами уже есть один развалившийся брак, а нынешний тоже под угрозой распада, Элла ван Хемстра старалась воспитать у дочери любовь к упорному труду, дисциплине и окружающим. Не забыта была и христианская наука. Позднее Одри очень хорошо разглядит недостатки своей матери и скажет, что, несмотря на то, что Элла всегда заботилась о благополучии дочери, девочка чувствовала нехватку материнской теплоты. Уроки дисциплины, полученные в раннем детстве, оченьгодились Одри в жизни. Они помогали ей уравнивать желание и долг. Они подкрепляли в ней стремление к большему и не позволяли возобладать эгоистическим амбициям. Именно тут причина сдержанного спокойствия, с которым Одри Хепберн умела сопротивляться соблазнам славы».

* * *

Рана, нанесенная маленькому чувственному сердечку Одри, давала знать о себе всю жизнь, коль она старательно избегала всяческих упоминаний об отце. Но было бы странным, если бы девочка не хранила втайне ото всех фотографию отца. На ней запечатлен высокий коротко стриженный мужчина с усами и квадратным подбородком. В нем словно дремлет

бычья сила грубого мужлана. Фото было сделано в начале 1930-х годов, когда Хепберн-Рас-
тону было около сорока семи лет.

* * *

Гнетущая атмосфера в доме была настолько напряженной, что Одри часто плакала
украдкой, хотя родители и окружающие редко видели слезы на ее глазах.

Маленькая Одри с матерью

– В детстве меня научили тому, что привлекать внимание к себе – признак дурных манер. Никогда не следует выставлять свои чувства напоказ... Я и сейчас слышу голос матери: «Никогда не опаздывай! Сначала думай о других! Никогда не говори о себе. Твоя болтовня не представляет никакого интереса. Нужно говорить о других!»

Даже будучи взрослой и отвечая на вопросы журналистов, Одри не могла скрыть затаенную в ее воспоминаниях о детстве грусть...

Редкое фото – Одри с отцом

Глава 2

Джозеф Хепберн-Растон. «Мы услышали зов фашизма...»

Коллапс американской экономики, произошедший в «черный вторник» осенью 1929 года, стал причиной всемирной депрессии. Проблемы не обошли и благополучную Бельгию. Читатели, успевшие на себе ощутить кризис 2009 года, могут самостоятельно сделать вывод, как выглядит процесс «опускания» финансового и материального благополучия, в который по вине США втянуты мировые державы, третьесортные страны и все люди-винтики этой мировой экономической системы. Кризис 1929 года также был искусственным, но был гораздо сильнее, чем кризис наших дней.

Тогда, в конце 20-х гг. XX века, – на протестной волне – во многих странах набирал силу национал-социализм, он же фашизм. Количество его сторонников в мире постоянно росло.

Говорить о становлении мировоззрения будущей великолепной звезды Одри Хепберн невозможно, не упоминая искреннего увлечения ее родителей фашистскими идеями. Стоит сказать, что в 20 – 30-е годы XX века представители многих аристократических семей были на стороне фашистов, вкладывая свои финансы, энергию и, наконец, обширные связи в процветание этой идеологии.

К 1934 году фашисты входили в состав всех правительственных организаций в Бельгии. Отец малышки Одри разделял фашистскую идеологию всегда и активно участвовал в политических митингах, проводимых нацистами.

«Вождь международного фашизма» бельгийский аристократ, доктор права Леон Жозеф Мари Игнас Дегрель. В 1935 г. создал партию «Front Populaire» («Народный Фронт»), которую называют движением рексистов

Весной 1935 года родители Одри собирали деньги и вербовали новых членов для Британского союза фашистов под руководством Освальда Мосли. Мосли происходил из древнего аристократического рода и так же, как и многая британская знать, имел в своих венах еврейскую кровь. Этот парадокс кажется странным, однако мы не станем влезать в суть непростого вопроса взаимоотношений еврейства с «мировым злом» в виде фашизма, навязанного человечеству в XX веке.

26 апреля 1935 года в издании Британского союза фашистов «Блэкшет» («Черная рубашка») появилась статья «Зов фашизма» с фотографией Эллы. В статье автор возвышенно писала: «Мы услышали зов фашизма и последовали прямой дорогой к победе, поскольку мало мы еще понимаем и слабо осознаем все происходящее. По крайней мере, нам удалось разорвать связывающие нас узы и найти путь к спасению. Мы, последователи сэра Освальда Мосли, убеждены, что в нем мы обрели лидера, чей взгляд устремлен не к земле, а к высшей реальности и идеализм которого позволит Британии увидеть новый рассвет духовного возрождения»; «Слишком долго мы полагали, что материальным платят за материальное и что

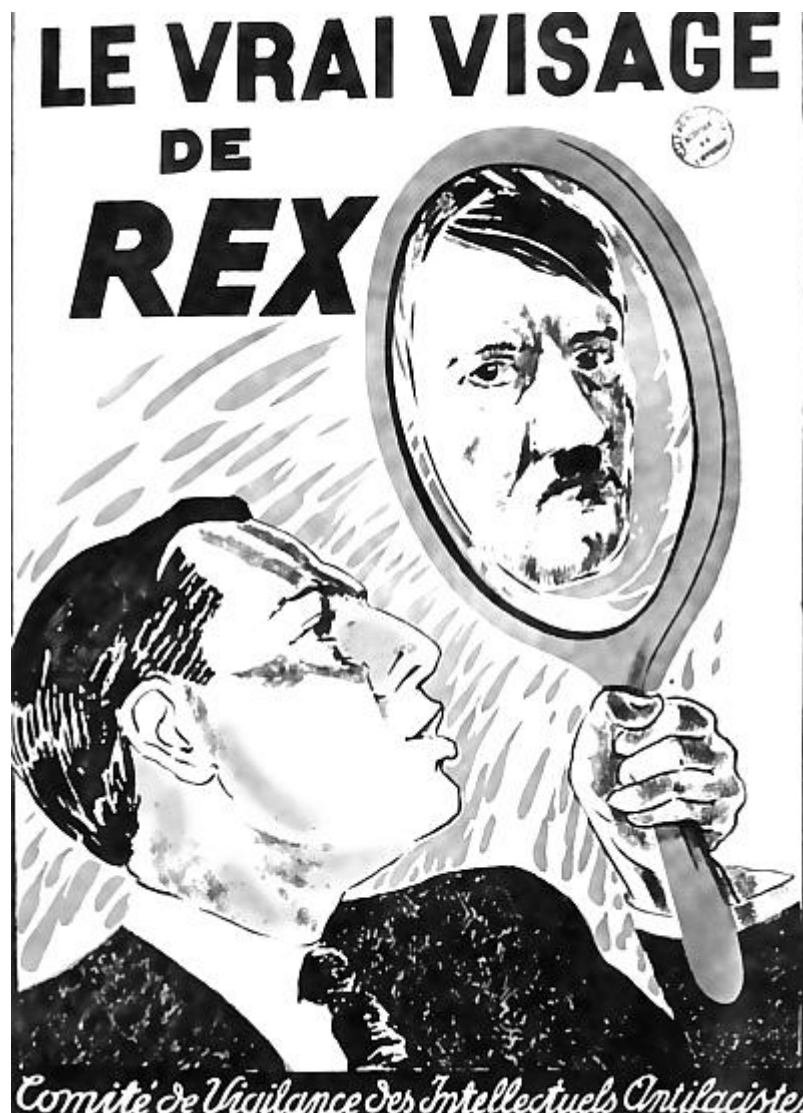
земные вещи могут улучшить землю. Но это не так. Мы, те, кто услышал зов фашизма... научились понимать то, что смутно представляли и раньше, а теперь осознали в полной мере: что только дух способен очистить тело и что только душа Британии может быть спасением Британии...»

Баронесса Элла публично выступила с одобрением протеста против чуждого, еврейского доминирования в банковском деле и торговле. Напрочь упустив при этом, что сама имеет некоторое отношение к этому самому «чуждому» доминированию в своей стране...

Голландка напишет несколько статей для еженедельника Мосли «Блэкшет», подписав их родовым именем: *Элла де Хемстра*.

* * *

В начале мая 1935 года Элла и Джозеф Хепберн-Растон ужинали в Мюнхене с Адольфом Гитлером и его ближайшими сподвижниками, в том числе британским подданным сэром Мосли. И никого из присутствовавших не заботило, что за столом с наци №1 сидит «еврейская знать» или что у баронессы Эллы в Восточной Европе проживают дальние родственники-евреи. Среди гостей были и три британские аристократки – сестры Митфорд, влюбленные в фюрера немецкой нации. Интересно, что в начале нашего XXI века пресса Великобритании сообщила о том, что одна из сестер Митфорд родила от Адольфа Гитлера ребенка, которого ее родители долгие годы скрывали от общественности. Вполне вероятно, так оно и было, ведь фюрер любил хорошеньких женщин и никогда не ощущал недостатка в восторженных спутницах.

Плакат «Истинное лицо рексизма». Бельгия, 1939 г., автор Рене Магритт

Родители малышки Одри вернулись в Брюссель в середине мая, забыв о дне рождения дочери. 4 мая – в день своего шестилетия – Одри была с няньками и родственниками, но без матери и отца, к которому была нежно привязана. Но ее отца больше заботили мировые проблемы, чем проблемы крошечного мирка его дочери. «Вскоре Джозеф окончательно отдалился от жены и дочери. Мрачному, молчаливому, нежелающему работать, полностью зависящему от жены, ненавидящему евреев, католиков и «цветных» Джозефу было просто нечего сказать Элле и Одри. И это угнетало девочку больше всего».

В мае того же 1935 года Джозеф Растон – без ссор, бурных сцен и вообще без каких-либо предупреждений – собрал свои вещи и покинул дом на улице Кейенвельд, чтобы никогда больше не вернуться. Впрочем, разные исследователи преподносят сей факт расставания по-разному. К примеру, мы можем найти такое объяснение: «Непосредственная причина разрыва между ее родителями была весьма банальной. Однажды, неожиданно придя домой, мать Одри застала своего супруга в постели с няней, которая присматривала за Одри и сыновьями Эллы от первого брака. Баронесса была потрясена. Она ощутила мгновенное и острое отвращение к происшедшему. Последние иллюзии рассеялись. За одну ночь она поседела. После громкой, грубой и жестокой ссоры Хепберн-Растон навсегда ушел из дома. Когда Одри проснулась, у нее уже не было отца». А так как реальные участники тех событий упорно хранили молчание, мы не можем знать, какие причины побудили отца Одри Хепберн

поступить так подло по отношению к домашним. Кто-то высказывает предположение, что Джозеф растратил большую часть наследства Эллы и деньги тестя, другие склонны видеть в нем деградированного алкоголика, обуянного нацизмом. Но причины могли быть совсем в другом. К началу 30-х гг. безработица в Голландии достигла рекордного уровня. Некоторые из тех, кто потерял работу, отправлялись на низкооплачиваемую работу в Германию. Если они отказывались ехать, пособие по безработице более не выплачивалось. Непопулярные правительственные меры вынуждали многих граждан страны искать лучшую долю, резко меняя жизнь свою и своих близких.

Британские аристократки Диана и Юнити Митфорд среди членов нацистской партии. Сентябрь 1937 г.

Много позже Одри признается:

– Я боготворила своего отца. Расставание с ним было очень болезненно для меня... Покинув семью, отец лишил нас уверенности – и, возможно, на всю жизнь. Я помню реакцию матери... ее лицо, залитое слезами... Я была в ужасе. Что со мной произошло? У меня просто земля ушла из-под ног.

В другой раз она также откровенно скажет о том времени:

– У других детей были отцы, а у меня нет. Я не могла смириться с мыслью о том, что никогда его больше не увижу. И моя мать очень страдала, когда отец ушел. Потому что он ушел по-настоящему... Я была полностью раздавлена. Я целыми днями плакала. Но мама – никогда. Она даже никогда о нем не говорила.

И добавит правдивое свидетельство перемен:

– Мама очень любила меня, но не всегда умела это показать... Жизнь сложилась так, что мама стала для меня и отцом тоже.

После произошедшего разрыва родители Эллы приехали из Голландии и перевезли их в родовое поместье в Арнеме. Сводные братья Одри, Александр и Ян, большую часть вре-

мени жили у своего отца в Гааге. «Со временем братья сделались более «голландцами», чем Одри. Отношения между детьми были дружескими, но без настоящей родственной близости».

В 30-е годы XX века фашизм приобрел популярность в Европе, и в США

Как уже говорилось, в семейном альбоме сохранились фото Джозефа Виктора Хепберн-Растона, которые – скрывая ото всех – хранила Одри. Но были ли среди фото середины 30-х годов те, на которых вполне счастливая чета Хепберн-Растонов стоит на ступенях «коричневого дома» штаб-квартиры Национал-социалистической партии в Мюнхене среди улыбающейся группы сторонников лидера Британского союза фашистов сэра Освальда Мосли? Или другие исторические снимки, на которых Растоны улыбаются Адольфу Гитлеру? В отличие от супруга, имя голландской баронессы Эллы Растон было включено в список активных сторонников Британского союза фашистов, – и это при том, что иностранцев не принимали в партию Мосли (а для нее сделали исключение как для жены британского подданного). Даже если эти и другие провокационные снимки и сохранились в семейных архивах, вряд ли кто-то из представителей семейства Хепберн-Растонов признается в этом. Отсюда – и упорное молчание кинозвезды о своем детстве и своем отце. «Семейные тайны, – напишет А. Уолкер в книге с незатейливым названием «Одри Хепберн. Биография», – весьма тяжелое бремя для знаменитых людей. Но Одри несла эту ношу с присущей ей грацией, не утрачивая душевной красоты и простоты. Некоторые из ее ближайших друзей ощущали в ней некую скрытность и не могли найти объяснения этому».

После Второй мировой войны об увлечении баронессы и ее семейства нацистскими идеями в обществе словно забудут. Возможно, развод с Джозефом сыграет в этом свою положительную роль: оставшись одна, без мужской поддержки, женщина станет более сдержанной в своих высказываниях и поступках. К тому же у многих в те годы было «рыльце в пуху», мало кто из знатных семейств Европы сумел избежать «очарования фашизмом».

Тот же Уолкер писал: «Одри достигла известности, и связь ее родителей с фашизмом, какой бы кратковременной эта связь ни была, всегда очень остро переживалась ею. И хотя сама она была совершенно ни в чем не повинна, а ее мать уже давно раскаялась в своих заблуждениях, эта связь долгое время угрожала репутации обеих женщин и особенно карьере Одри. Любая связь с нацистами в прошлом была крайне опасна. К примеру, когда вторая жена Рекса Харрисона, Лилли Палмер, приехала с ним в Голливуд в 1945 году, кинокомпания приложила громадные усилия, убеждая всех, что актриса родилась не в Германии, а в Австрии – это считалось более приемлемым. Та осторожность, с которой Одри относилась к каждому интервью, вполне понятна при ее природной совестливости и тщательности во всем. У нее никогда не исчезала боязнь, что какой-нибудь дотошный журналист, копаящий глубже официальных сведений, предоставляемых студией, вытащит на поверхность крайне неприятные факты из прошлого ее родителей».

Германия 30-х гг.

* * *И здесь снова возникает версия о причастности отца Одри к спецслужбам. В отличие от своей супруги, Джозеф Виктор Хепберн-Растон, разделяя нацистские взгляды и активно поддерживая нацизм, никогда не ставил своего имени ни под одним фашистским манифестом или публичной статьей – и эта его странная сдержанность вызывает большое подозрение. Возможно, он действительно выполнял некую секретную миссию? «Так же, как и об обстоятельствах исчезновения Хепберн-Растона, о его местопребывании Одри и ее мать никогда не упоминали, – сообщают исследователи, – это наталкивает на подозрение, что мужчина уехал в Германию, где продолжил сотрудничество с нацистами. Его видели там в 1938 году. В том же 1938-м Растон появился в Лондоне. На фотографии, сделанной тогда, мы видим джентльмена, идущего по городской улице с перчатками в руке. Он немного полысел и слегка осунулся, но все еще остался привлекательным брюнетом. Подпись на фото называет его «Энтони Растоном, директором европейского пресс-агентства». А европейское пресс-агентство занималось нацистской пропагандой в Англии и сбором секретной информации для рейха. Оно управлялось из немецкого посольства партийным чиновником Фри-

цем Хессе, который во время войны организовал радиопередачи из Германии с участием таких предателей-англичан, как Джон Амори и Вильям Джойс, получившим прозвище «лорд хо-хо». Они оба были казнены после падения Третьего рейха. Отец Одри активно помогал нацистам. Британские органы безопасности обозначили его условным наименованием «М 15» как человека, связанного с потенциальными врагами Британии».

Европейские женщины, очарованные нацизмом...

Также известно, что после начала войны, осенью 1939 года, Джозеф, как и сотни других английских фашистов, без суда и следствия был отправлен под домашний арест на остров Мэн. В тюрьме, правда, во вполне комфортных условиях проживали (пережидали неблагоприятные времена) сэр Мосли и его супруга Диана Митфорд. В годы войны множество британских граждан из всех слоев населения были «зачищены» и устранены в места заключения.

Что касается отца Одри Хепберн, то судьба его до конца не ясна. По словам британского исследователя Уолкера, «Документы, связанные с его делом, до сих пор не рассекречены, если они вообще сохранились. Вся информация, касающаяся его пятилетнего пребывания в заключении, основана исключительно на слухах или на упоминаниях о нем в письмах, дневниках или устных воспоминаниях его товарищей по несчастью. Первоначально Хепберн-Растон содержался в Брикстоне, затем, по сообщению одного очевидца, его перевели в пору первых воздушных налетов на Лондон в концентрационный лагерь, развернутый на ипподроме в Эскоте, который обнесли колючей проволокой. Там установили сторожевые вышки с пулеметами. Когда же и это место оказалось переполненным, его перевезли на север, в Ливерпуль. Он там попал в мрачные, поистине диккенсовские условия Волтонской тюрьмы». Как пишет Д. Споко об отце Хепберн, «Нет никаких документов или свидетельств того, что во время войны он как-то поддерживал нацистов. Если обвинять любого англичанина, который ужинал с Гитлером и фотографировался с ним, то первым кандидатом на арест и интернирование должен был бы стать герцог Виндзорский, некоронованный король Англии».

Одри Хепберн в беззаботном детстве...

И если популярная идеология 30-х годов не затронула психики девочки Одри, то расставание ее родителей нанесло ее психике весьма ощутимую травму. Как откровенно признавалась Одри Хепберн:

– События далекого 1935 года оказали влияние на все мои отношения с мужчинами. Влюбившись и выйдя замуж, я продолжала жить в постоянном страхе перед тем, что меня бросят.

Глава 3

Элла ван Растон. «Оккупация – очень короткое слово»?

После развода родителей жизнь маленькой девочки Одри изменилась. Вновь очутившись в родных пенатах, Элла не пожелала долго задерживаться под присмотром престарелых родственников и вскоре переехала в удобную квартиру на одной из главных улиц Арнема. Чтобы чем-то занять себя и получить дополнительный заработок, Элла бралась за работу с неполным рабочим днем (известно, к примеру, что она делала рекламную обстановку квартир для одной немецкой фирмы по сдаче в аренду недвижимости).

Разные источники биографических сведений об Одри сообщают, что та посещала престижную школу для девочек в Англии, тогда как другие яростно отрицают это утверждение, говоря, что Одри ходила в школу «Тамберс Бассе» в Арнеме и никогда в Англии не училась. Известно, что девочка свободно говорила по-английски, по-французски и по-голландски, и к тому же у нее был великолепный музыкальный слух.

– Восемь лет, с 1939-го по 1947-й, я говорила только по-голландски. Моя мать была голландкой, отец – англичанином, а сама я родилась в Бельгии. В нашем доме я всегда слышала и голландский, и английский языки, а за стенами дома говорили по-французски. Нет такого языка, на который я могла бы свободно перейти, почувствовав усталость, потому что мне так и не удалось привыкнуть ни к одному из них. У меня нет родного языка, поэтому критики обвиняют меня в причудливости речи.

Голландский город Арнем, начало XX в.

Вероятнее всего, именно владение несколькими языками с раннего детства «сформировало уникальные фонетические способности Одри Хепберн, ее изысканную и элегант-

ную фразировку, ее неповторимую манеру говорить по-английски. Ее речь всегда была абсолютно уникальна, ее нельзя было сравнить ни с одним известным произношением. Голос Одри Хепберн не спутаешь ни с каким другим».

Говоря о своих годах учебы, актриса поделится такими признаниями:

– Я была очень активной и не могла часами сидеть за партой. Мне нравилась история, мифология и астрономия, но я по-настоящему ненавидела все, что было связано с арифметикой. Школа казалась мне очень скучной, и я была рада, когда все это закончилось.

Впрочем, по ее словам, одного урока она все же с нетерпением ждала каждую неделю: когда балетмейстер занимался с девочками танцами. Благодаря урокам балета Одри «научилась держаться величаво и естественно, как стебелек цветка». Всем известно, что учеников балетных и танцевальных школ во время репетиций и обучения танцу надо заставлять смотреть на себя в зеркало, чтобы таким образом подмечать свои ошибки. Одри, как она признавалась позднее, не очень нравилось свое отражение; девочке казалось, что она некрасивая и неуклюжая. «Если взять по отдельности каждую часть ее тела, – замечают биографы, – то они все, вероятно, были несовершенны, но ведь столь же несовершенны они были и у Греты Гарбо. И все же, так же, как и в случае с Гарбо, общее впечатление безошибочно говорило, что эти актрисы с восхитительной естественностью владеют своим телом».

Кстати, знаменитая красавица Голливуда Грета Гарбо была шведкой и, исходя из северной страны, как и Одри Хепберн, любила белый цвет и зиму. Жизнь этой суровой красавицы и затворницы Гарбо полна самых загадочных тайн и волнующих любовных интриг. К тому же обе они – и Грета, и Одри – были хорошо знакомы со знаменитым британским фотографом, создавшим несколько портретных альбомов голливудских знаменитостей, Сесилем Битоном.

Урок балета

* * *

Через несколько лет после того, как мать и дочь обустроились в Нидерландах, в жизни Одри произошла еще одна драматическая перемена. Но эта драма была куда как страшнее потери отца.

– Второе страшное воспоминание детства после исчезновения отца – это мама, которая входит ко мне в спальню однажды утром, отдергивает шторы на окнах и говорит: «Вставай, началась война».

И эти слова, сказанные звездным ангелом Голливуда, звучат пронзительно даже сейчас, когда выросли многие новые послевоенные поколения. Ибо та мировая драма коснулась практически каждой европейской семьи и всех, живущих на 1/6 части суши под тогдашним названием СССР.

* * *

Лето 1939 года Элла Растон и ее дочь провели у друзей семьи, рядом с приморским городом Фолкстоном в Британии. Тогда же, по стечению обстоятельств, Одри встретилась

с отцом, который приходил проводить ее в аэропорт, когда девочка возвращалась в Нидерланды.

– Это был ярко-оранжевый самолет... Он летел очень низко... Тогда я в последний раз видела своего отца.

В первые дни сентября 1939-го нацистская Германия напала на Польшу. Британия, Франция, Австралия и Новая Зеландия объявили Германии войну. Англия находилась в состоянии войны, однако, как известно, мало что предпринимала для активных военных действий.

Элла вернулась в нейтральную Голландию, в поместье отца, в мирный и спокойный Арнем. Старый барон, овдовевший пять месяцев назад, был рад гостям. В том же сентябре Элла получила официальные документы, подтверждающие ее развод с Джозефом Растоном.

Редкое фото – подросток Одри Хепберн на уроке балета

Осенью и зимой 1939/1940-го мало кто из соотечественников Эллы видел реальные причины для беспокойства. Жизнь в провинциальном Арнеме текла своим чередом, и

жители городка вместе со своими соотечественниками продолжали называть войну «странной» и «ложной». Вне сознания голландцев прошло то, что Чехословакия и Польша оказались под властью немецкого фюрера. 9 апреля 1940 года немецкие войска вторглись в Данию и Норвегию.

В мае 1940 года Одри Хепберн исполнилось 11 лет. Как подарок к дню рождения дочери Эллы купила билеты на балет «Фасад» известной труппы из Англии «Сэдлерс Уэллс Балет», которая в те дни гастролировала в Арнеме.

— По этому случаю мама заказала мне у портнихи длинное платье из тафты. Я помню его очень хорошо. У меня еще никогда в жизни не было длинного платья... Оно так приятно шуршало и спускалось до самого пола. Мама решилась на такие расходы потому, что в конце представления я должна была дарить букет Нинетт де Валуа, руководителю труппы.

Одри действительно преподнесла знаменитой балерине букет тюльпанов и роз; а вскоре стало известно, что британский вице-консул приказал труппе той же ночью покинуть Арнем. На следующий день, в пятницу 10 мая, германские войска без объявления войны вошли в Нидерланды, Бельгию и Люксембург.

Голландская армия капитулировала, Голландия сдалась. Нацистские войска и артиллерия вошли в Арнем.

Королева Вильгельмина, ее семья и правительство покинули Голландию и вылетели в Лондон, откуда — как свидетельствуют справочники — руководили действиями голландского флота, колониями и движением сопротивления.

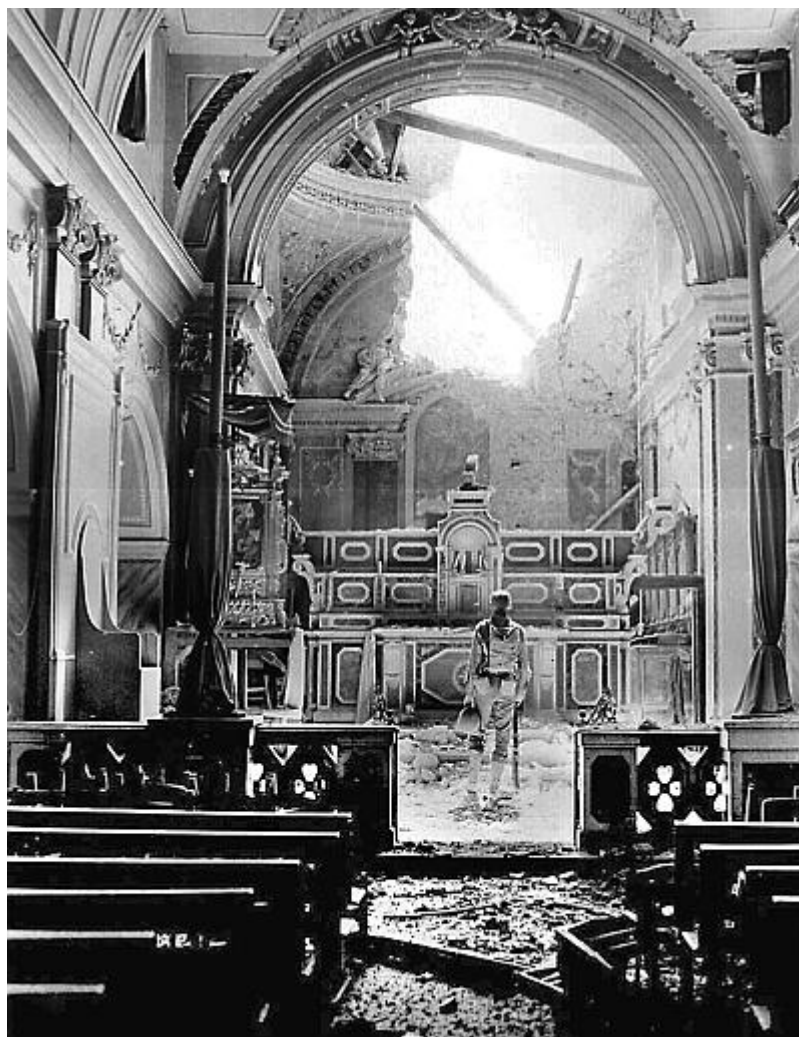
Одри вспоминала:

— Я видела, как ехали германские грузовики, и через пять дней Голландия пала. Оккупация — очень короткое слово, но оно вместило в себя каждый мучительный день после того, как немцы вошли в нашу страну, разграбили ее и воцарились кругом, чтобы превратить нас в рабов.

Sadler's Wells Ballet. Эта знаменитая труппа гастролировала в Арнеме в день 11-летия Одри

Семье Одри было позволено остаться в родном доме. Однако за следующие десять месяцев – после выяснения «еврейской составляющей» – банковские счета ван Хемстра были арестованы, а ценное имущество и драгоценности конфискованы (впрочем, точных сведений об этом нет). А одного из сводных братьев Одри отправили в трудовой лагерь в Германию, и о нем ничего не было известно до самого конца войны. Действительно, в 1942-м младшего из братьев – Яна – арестовали в Арнеме по подозрению в партизанской деятельности и отправили в Германию работать на военном заводе. В 1945 году он вернулся домой. Старший же брат Одри – Александр – в начале войны вступил в голландскую армию, а когда армия капитулировала, в 1941 году попал в плен, но ему удалось бежать, и он скрывался до конца войны.

Так выглядит война «изнутри»...

Глава 4

Одри. Балет как страсть в условиях войны и голода

Несмотря на неблагоприятную обстановку, матери Одри удалось поддержать увлечение дочери, она установила перекладину для балетных упражнений в доме своей знакомой и наняла учителя для Одри и нескольких других девочек. Но занятия в таком составе были недолгими. И вскоре подросток Одри сама начала давать уроки танца младшим детям.

– Я сама придумывала для себя танцы. У меня была подруга, которая играла на фортепиано, а мама шила мне костюмы. Все это было чистым любительством – но в то время у людей совсем не было развлечений. Они с радостью пользовались возможностью послушать музыку. Концерты проходили в частных домах, окна и двери плотно закрывали.

В другой раз Одри призналась:

– Я хотела танцевать сольные партии. Я страшно хотела исполнять эти роли потому, что они дали бы мне возможность выразить себя. А у меня не было такой возможности, когда я стояла в ряду из двенадцати других девочек и должна была синхронизировать свои движения с их движениями. А я не желала ни под кого подстраиваться. Я хотела сама добиться своей славы.

Балет был не просто страстью Одри, он был ее единственным развлечением в те суровые годы. В просторной комнате в доме соседей, за окнами, закрытыми плотными шторами, изящная хрупкая девочка в войлочных тапочках вместо истертых балетных туфель исполняла классические па под аккомпанемент фортепьяно. Кто-то из биографов (скорее всего, эту роль исполнил платный биограф киностудии) придумал сказочно-героическую версию о том, что «Иногда, если под окнами проходил немецкий патруль и мог заметить, что в доме собралось гораздо больше людей, чем позволялось по закону о военном положении, ей приходилось танцевать в полной затаенных восторгов тишине. Деньги, собранные в ходившую по кругу шляпу по окончании ее сольных концертов, шли в казну Сопrotивления. Одри брала лишь небольшую сумму на нужды семьи»; «Сопrotивление врагу со стороны Одри находило более практическое выражение. Она помогала распространять антифашистские листовки и копии нелегальных передач Би-би-си или подпольных голландских радиостанций. Она прятала эти листки в туфлях». Впрочем, чему удивляться: в Голливуде работали не меньшие мастера печатного слова, чем пресловутые советские идеологи, писавшие о толпах мальчишей-кибальчишей и отважных девочек, бросавшихся на целые взводы противника и погибавших (или не погибавших) *смертью храбрых*.

Вот и о брате Одри, 18-летнем Яне, говорят, что он вступил в движение Сопротивления в 1942 году, когда учился в Утрехте. Сначала парень распространял листовки, поддерживавшие соотечественников и помогавшие им противостоять деморализующей тактике оккупантов. И о матери – что баронесса Элла ван Хемстра активно сотрудничала с движением Сопротивления и даже укрывала подпольщиков в своем доме.

Деятельность Одри в военное время – словно риф кораллами – обросла красочными мифами. А иначе как пробиться талантливой девушке с прошлым, запятнанным «фашистской репутацией родителей»?!

Тем не менее, нельзя думать, что военные годы прошли для Одри совсем уж безоблачно. В их семье – как и во многих голландских семьях – в 1944-м, в конце войны, стала остро чувствоваться нехватка продуктов. Все чаще в рационе подростка появлялись водянистый суп из дикого салата и трав с суррогатом «хлеба», который делали из перемолотых гороховых стручков. Не хватало свечей, топлива, мыла, чистой питьевой воды, лекарств и других насущных вещей.

Редкое фото – маленькая Одри дурачится с братьями Яном и Александром

Из-за быстрого роста организма в условиях скудной пищи у Одри стали проявляться первые последствия хронического недоедания: девочка стала страдать от малокровия, у нее начали распухать ноги от болезненных отеков. О танцах пришлось забыть.

– В те дни я часто говорила себе: если это когда-нибудь закончится, я никогда больше не буду ворчать и капризничать, я буду всем довольна.

* * *

К осени 1944 года стало очевидным, кто выигрывает, а кто проиграет войну. Немцев вытеснили из Франции, и им пришлось отступить. Но это не спасло семью Растон от страшного происшествия, которое могло стать причиной гибели юной Одри.

После перелома военных действий в пользу Красной армии союзники наконец вступили в войну, став планировать вполне реальные широкомасштабные военные действия. Тогда, в 1944-м, командующий британскими войсками в Европе генерал Бернارد Монтгомери и американский генерал Дуайт Эйзенхауэр и спланировали большое наступление, в рамках которого предполагалось высадить более 30 000 солдат на планерах и парашютах, которые должны были захватить и удержать переправу через Рейн у Арнема, открыв союзным армиям прямой путь в Германию. Однако план полностью провалился (тем не менее, западные историки смело называют этот план «блистательным» и «гениальным»). В ходе кровавых боев блестяли разве что бляхи на ремнях да пуговицы на формах 17 000 убитых и раненых солдат и офицеров (кроме них, погибло еще и 5000 жителей Арнема).

В ответ немецкое командование приказало всем уцелевшим жителям города покинуть Арнем к 8 часам утра. Нам указывают, что так проявилась «ужасная месть немцев»; на самом

деле, немцы убрали мирное население с территории боев – ведь по воле западных военачальников городок Арнем стал стратегическим направлением. Хотя, конечно, беженцам от всего этого не легче.

Простые бельгийцы встречают союзников

В ту ночь Одри вместе с матерью, сводным братом, тетками, дядьями и друзьями, которые с ними прятались в подвале во время бомбардировок, спешно собирали чемоданы, тюки и рюкзаки, укладывая предметы первой необходимости. После чего влились в длинную колонну из примерно 100 000 беженцев из города. Семейству ван Хемстра посчастливилось, они нашли убежище в Вельпе, деревушке неподалеку от Арнема, в особняке, принадлежавшем деду Одри. «Еды не было вообще никакой», – вспоминала о том чудовищном времени Одри. Вместе с другими юными беженцами из Арнема она ходила в поле и выкапывала из промерзлой земли оставшуюся репу, а заодно и цветочные луковицы. («Несколько лет спустя, когда Одри смотрела в Лондоне «Унесенные ветром», она инстинктивно прижала к себе мать, увидев на экране, как Вивьен Ли в роли Скарлетт голыми руками раскапывает когда-то плодородную землю разграбленного поместья в поисках чего-либо съедобного для себя и своей семьи. Эта сцена напоминала Одри те дни отчаяния, когда она сама почти умирала от голода».)

Однажды Одри вернулась в Арнем в поисках еды и заметила патруль. Девушке удалось спрятаться в подвале полуразрушенного дома. Сколько она там пробыла – неизвестно

(отдельные авторы ужасают: аж целый месяц без еды и воды), но когда она вернулась к родным, то оказалось, что у нее проявились не только отеки от малокровия, но и желтуха.

* * *

4 мая 1945 года, когда Одри исполнилось 16 лет, она вдруг услышала шум, который сразу привлек ее внимание.

– Я подбежала к окну и увидела первые английские полки. Свобода пришла ко мне особенно – с запахом английского бензина и английских сигарет. Выбежав из дома навстречу солдатам, я вдохнула запах их бензина, словно это были драгоценные духи. Я сразу же попросила сигарету, хотя от нее чуть не умерла.

Худосочная девушка попросила у английского офицера еще и шоколада. Тот, видя ее желтое от гепатита лицо и опухшие от голода ноги, дал ей пять плиток. Одри съела их сразу, но ей тут же стало дурно. И все-таки с тех пор Одри на всю жизнь сохранила страсть к табаку и шоколадным конфетам.

Жители этого поместья встречают союзников

Возможно, окончание войны приблизило выздоровление Одри Хепберн.

– У меня почти не было настоящей юности, очень немного друзей, совсем мало радости в том смысле, в каком ее понимают подростки, и совершенно отсутствовало ощущение собственной безопасности. Удивительно ли то, что я стала таким замкнутым человеком?

Редкое фото – Одри с матерью баронессой ван Хемстра, 1946 г.

Глава 5

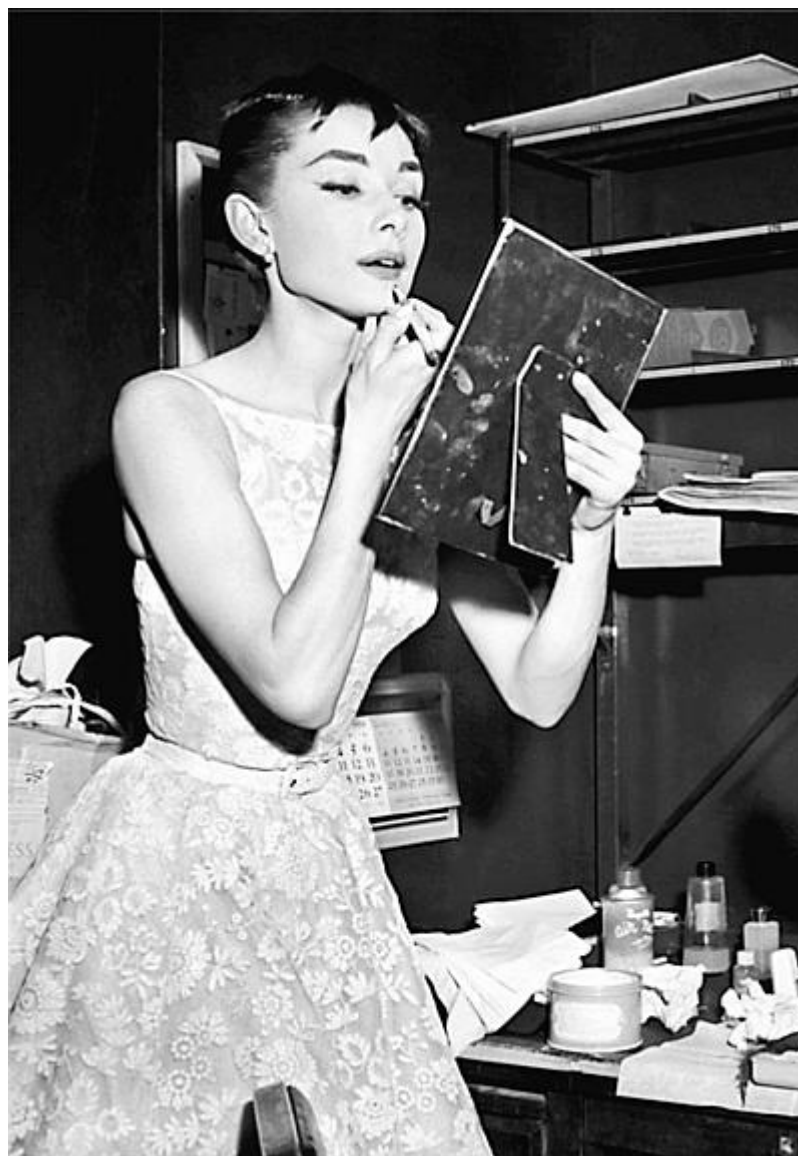
Марсель Ле Бон. Певец кабаре и первый возлюбленный

Одна из подруг Эллы Растон вспоминала о временах сразу после освобождения Арнема:

– Мать Одри очень любила проводить время с английскими офицерами. Одри это тоже очень нравилось. Помнится, в лесу был клуб под названием «Медная шляпа» и нас приглашали туда на танцы. Приглашали и Одри. Элла разрешала ей ходить туда. Те продукты, которыми ее снабжали английские офицеры, очень помогли выздоровлению девушки.

Элла воспользовалась своим родовым именем ван Хемстра и связями, чтобы получить работу в Амстердаме. Вначале она занималась закупкой рыночных продуктов для ресторанов, которые начали открываться после войны, затем она стала поставщиком провизии для иностранных фирм, возобновлявших свою деятельность. Деньги, которые зарабатывала баронесса, шли на покупку лекарств для Одри, а после и на оплату уроков танца. Одри стала заниматься балетом у ведущей преподавательницы танца в Амстердаме Сони Гаскелл, чья методика считалась авангардной, ибо соединяла джазовые ритмы с классикой. Очень скоро мышцы Одри пришли в норму, обрели былую силу и гибкость. «У нее появилось то особое изящество движений, которое стало для нее второй натурой».

Чтобы не испытывать нужду в средствах, Одри также подрабатывала, демонстрируя детскую одежду, которую шила знакомая портниха; «показы мод» устраивались и в Амстердаме, и в Арнеме.

А вскоре Соня Гаскелл решила переехать в Париж. Одри, которая к тому времени вытянулась в тростинку ростом 1 метр 70 см, могла распрощаться с мечтой о балете, ибо такой высокий рост партнерши был нежелателен для большого балета.

Тогда же Одри впервые выступила на экране. Случилось это так. Национальная компания «KLM» в целях рекламы туризма выделила деньги на съемки сорокаминутного документального фильма. Нужно было лишь подобрать девушку на роль стюардессы, которая бы прекрасно владела голландским и английским языками. Элла Растон знала директора «KLM» и уговорила того взять на роль стюардессы свою дочь. Так Одри получила свою первую роль и возможность обратить на себя внимание широкой публики.

Но это появление на экране еще не стало дорогой к кинематографической славе; мать девушки решила перевезти ее в Лондон, где Одри могла бы учиться в балетной школе «Балле Рамбер». Об основательнице этой школы нам говорят: «В то время ее авторитет в английском классическом танце был непререкаем. Сильвия Рамбам – ее настоящее имя – родилась в Варшаве в 1888 году. Она работала с Дягилевым, Нижинским, Стравинским и Айседорой Дункан. В 1920 году она открыла в Лондоне школу, которую закончили многие великие танцовщики и хореографы XX века – Фредерик Аштон, Энтони Тюдор и Агнес де Милль. В 1936 году на базе ее школы была создана труппа «Балет Рамберт», получившая всемирное

признание. В начале 1947 года она получила несколько предложений о зарубежных гастролях»; «Агнес де Милль, учившаяся у нее в 30-е годы, называла ее «мадам Оса». Ученики часто выбегали из студии в слезах. И все же именно она умела готовить прекрасных танцовщиков, владевших разными стилями».

* * *

Мать с дочерью переехали в Лондон и вскоре поселились в доме по Саут-Одли-стрит, 65, в фешенебельном районе Мейфер. Говоря о финансах, на которые существовала эта семья, кто-то утверждает, что баронесса работала в цветочном магазине, другие награждают ее ролью экономки в одном из домов по той же Саут-Одли-стрит. Впрочем, что доподлинно известно, так это то, что Эллу материально обеспечивал в те годы ее старый друг и любовник Пауль Рюкенс – голландец, еще с довоенных времен возглавлявший крупное англо-голландское промышленное объединение «Юнилевер». У него была квартира на Беркли-Сквер, в той же части центрального Лондона, где поселилась и баронесса с дочерью. Впервые за многие годы Одри ощутила себя в полной безопасности.

Балет так и остался несбыточной мечтой для Одри...

Большую часть всего 1948 года Одри провела в балетной студии. Днем она занималась балетом, по вечерам – работала.

– Мой первый урок начинался в десять утра, а последний заканчивался в шесть вечера. У меня была работа, работа, работа – весь день и почти всю ночь... Уроки танцев превратились для меня в самое изматывающее занятие, какое только можно придумать.

Позднее Одри вспоминала, сколько мытарств и настоящих пыток довелось ей терпеть от требовательной наставницы; «она спокойно могла хлестнуть нас стеком прямо по рукам», – рассказывала актриса, утверждая, что готова была терпеть все, ибо «Моей мечтой было надеть пачку и выйти на сцену Ковент-Гарден».

Но мечта так и осталась мечтой – сказочной, с хрустальным блеском – словно бы пришедшая из детства. Потому что оказалось, что единственная перспектива для «переростка» – кордебалет, или импровизации в музыкальном театре, или, на худой конец, – преподавание танцев.

– Здравый смысл подсказывал, что в балете мне успеха не добиться. И все же я продолжала считать, что участие в мюзиклах ниже моего достоинства.

В октябре 1948 года – после отъезда балета на гастроли – Одри вместе с несколькими оставшимися в Лондоне учениками начала обходить конторы продюсеров и агентов в поисках работы в театре.

Вскоре она подписала контракт с лондонскими постановщиками мюзикла «Ботинки с высокой шнуровкой». Одри стала одной из сорока, кого выбрали из трех тысяч претенденток. Девушкам предстояло петь, танцевать и исполнять короткие танцевальные номера. Жалованье Одри составило восемь фунтов в неделю (около тридцати двух долларов).

Одри в балетной студии

Лондонские представления закончились 5 мая 1949 года. Но Одри повезло: ей предложили работу в новом мюзикле «Соус тартар», премьера которого должна была состояться уже 18 мая в театре «Кембридж». Продюсер Сесиль Ландо, который и заприметил будущую звездочку, не устал твердить своим актерам, что у него высокочеловеческая профессиональная труппа и потому все отношения между коллегами должны оставаться чисто профессиональными. Но Одри послушалась, влюбившись в своего партнера по сцене, Марселя Ле Бона. «Обаятельный француз, певец и поэт, Ле Бон обладал непреодолимым галльским обаянием, перед которым не могла устоять ни одна женщина». Он стал первым близким другом Одри Хепберн.

Ландо был вне себя, ибо влюбленная парочка может бросить тень на репутацию его труппы, потому как обсуждение и нездоровое любопытство публики ей гарантированы. К тому же, как напоминает нам Д. Спото, в те времена «женщину, у которой был или есть любовник, навсегда клеймили как беспринципную и готовую спать с кем угодно. Молодая женщина, собирающаяся сделать карьеру – особенно столь публичную карьеру, – должна была быть очень осторожной. Легкодоступная женщина не становится желанной».

Роман с Ле Боном развивался в 1949-м и 1950-м годах. Элла узнала о Ле Боне и стала переживать, что дочь выйдет замуж за певца кабаре (а ведь именно от этого шага ее саму некогда предостерегали родители).

«Соус тартар» выдержал 433 представления в течение года, а потом планомерно «сдулся», публика жаждала новых танцев, песен и шуток. Во время Рождества Одри выступала еще и в детской пьесе в роли феи с волшебной палочкой в руках. Очень символическая роль – ведь впоследствии она станет незаменимой феей-спасительницей для многих детей. В течение четырех недель она принимала участие в 21 шоу в неделю, что говорит о высокой работоспособности девушки.

– Я работала как заведенная! – вспоминала Одри.

Ландо был не только талантливым, но и умудренным опытом мужчиной. Работая на потребу публики, он не забывал и о своих собственных интересах и грамотно разрешал проблемы в своем сплоченном коллективе. В какой-то момент он устроил своих любимых актеров в респектабельный ночной клуб на Орандж-стрит «Сиро», где готовил постановку шоу «Летние ночи», представлявшего собой укороченный вариант «Пикантного соуса» (а тот, в свою очередь, – «ремикс» от «Соуса тартара»).

Но Ле Бона Ландо в «Сиро» не позвал, и его хитрый замысел принес свои плоды. Так как Одри работала почти до рассвета и влюбленные не могли проводить дни и ночи вместе, Ле Бон быстро нашел ей замену.

– Мы заканчивали около двух часов ночи, и я шла домой пешком по Пикадилли. Было так хорошо: ведь в то время подобная прогулка была совершенно безопасна.

Это признание самой Одри. А вот своего рода комментарий к подобному признанию звезды от автора Уолкера: «Одри не совсем точна. В описываемое ею время Пикадилли и все кварталы вокруг дома, где баронесса снимала квартиру, представляли собой широко известную «толкучку» лондонских проституток. Они, случалось, приветствовали другую звезду ночных клубов – Марлен Дитрих. Приветствовали из того чувства товарищества, которое возникало у них в связи с кинообразами Дитрих. А на Одри никто из них не обращал ника-

кого внимания. Ее будущий имидж на киноэкране ни в коей мере не будет зависеть от ее эротических чар».

Одри, зная, что такое боль разлуки, не впала в депрессию еще и потому, что была слишком загружена, к тому же занятие любимым делом всегда притупляет любую боль. Как и многие танцовщицы, Одри тогда же пристрастилась к курению. Эта вредная привычка осталась у нее до конца жизни. Известно, что Одри курила много, предпочитая сигареты «Голден Флейк».

День Победы на Пикадилли в Лондоне, 8 мая 1945 г.

Глава 6

Джеймс Хэнсон. Миллионер, бизнесмен, соблазнитель, жених

Как-то в беседе с журналистами Одри заметила: «Я наполовину ирландка, наполовину голландка, а родилась в Бельгии. Если бы я была собакой, то во мне было бы намешано чертовски много разных пород».

Странное дело, но Одри не признавала себя англичанкой, хотя имела британский паспорт и право на английское гражданство, тогда как сами англичане охотно причисляют ее в ряд великих английских актрис. Начавшись в 1950 году фильмом «Одна ошибка юности» и продолжившись в лентах «Смех в раю» и «Рассказ юных жен», кинокарьера Одри Хепберн в Британии завершилась в 1957 году фильмом «Секретные люди». Она больше никогда не работала в Англии и никогда там не жила.

Режиссер Дзампи, давший Одри второстепенную роль в фильме «Смех в раю», после окончания съемок произнес пророческую фразу: «Настанет день, и она будет звездой».

Помимо съемок в плоских комедиях и малобюджетных фильмах Одри успешно снималась в рекламе. «Глубокое внутреннее достоинство и длинные ноги делали Одри мечтой модных фотографов». Снимки юной модели стали регулярно появляться и на обложках модных журналов. И главным было то, что девушку наконец стала узнавать публика, образ миловидной красотки с выразительными огромными глазами становился популярным.

Когда Одри понадобилось лучше приобщиться к драматическому искусству (кабаре и музыкальные ревю не в счет, здесь не могли научить актерской игре), Хепберн стала серьезно заниматься актерским мастерством у Феликса Ольмера. Новому занятию она отдалась столь же ответственно, как и занятиям танцем.

Одри и ее жених Джеймс Хенсон (James Hanson)

Ольмер слыл талантливым педагогом, а его карьера в британском театре и кино была одной из самых долгих и успешных (он родился в 1889 году). В течение нескольких месяцев Одри вместе с другими учениками училась сценической речи, обретала способность раскрепощаться на сцене.

Своих лучших подопечных Ольмер отправлял на кинопробы. В начале лета 1950 года Одри прошла пробы для голливудского фильма «Камо грядеши». Она понравилась режиссеру Мервину Ле Рою, но на студии «Метро Голдвин Майер» ее пробу отклонили.

Тогда же Одри познакомили с Робертом Леннардом, режиссером Объединенной корпорации британского кинематографа (АВРС), которой в то время принадлежала часть студии «Элстри». Утверждают, что именно он ввел Одри Хепберн, которой был всего двадцать один год, в мир Большого Кино.

Компания АВРС была основана Джоном Максвеллом в 1927 году, но после обанкротилась. Джек Уорнер, ставший совладельцем компании, возродил ее в 1950-м. Он также слыл владельцем «Элстри» – еще одной студии, чьи фильмы демонстрировались крупнейшей в Британии сетью кинотеатров Эй-би-си.

Одри подписала контракт, предложенный ей Леннардом, согласно которому обязана была сняться в трех картинах. За первую картину она должна была получить 500 фунтов, а за последнюю – 1500 фунтов. Начинающей актрисе эти суммы показались целым состоянием.

Позже она говорила о шести картинах со своим участием, снятых в 1950 – 1951 годах: – Даже если сложить их все, то материала не наберется и на одну крохотную роль.

* * *

Во время съемок «Истории молодых жен», в ноябре 1950 года, режиссер Торольд Дикинсон решил попробовать Одри на роль Норы Брентано в своем политическом триллере «Секретные люди». Сюжет фильма прост и трагичен: две девочки, сестры Мария и Нора Брентано, приезжают в Лондон из некой европейской страны, в которой установлена диктатура. Их отец становится жертвой режима. Девушки оказываются втянутыми в неудачную попытку покушения на убийцу своего отца. Бомба взорвалась во время концерта, но вместе диктатора погибла невинная официантка. Марию (ее роль играет итальянка Валентина Кортезе), которую втянул в заговор ее любовник (актер Серджио Реджани), арестовывают. Но полиция понимает, что девушка может стать ценным информатором. Ей меняют документы, делают пластическую операцию. Нора (Одри Хепберн) считает, что ее сестра погибла. В конце фильма сестры встречаются, но финал картины трагичен.

Одри в 1951 г.

«Секретные люди» стали самым значимым фильмом в биографии Одри на тот момент. Кинокритики Британии и США писали: «В Одри Хепберн красота сочетается с талантом, особенно ярко проявившимся в двух коротких танцевальных сценах».

* * *

Весной 1951 года Одри присутствовала на коктейле, устраиваемом кинокомпанией АВРС. Где и познакомилась с высоким блондином с ослепительной улыбкой. Симпатия была взаимной. Джеймс Хэнсон – как звали нового знакомого – владел огромным состоянием, которое его семья сколотила на перевозках в Англии и Канаде. Круг интересов семейного бизнеса расширился за счет того, что Хэнсоны стали заниматься нефтью и морскими перевозками. К моменту знакомства с Одри состояние Хэнсона исчислялось десятками миллионов фунтов стерлингов.

Джеймс Хэнсон не принадлежал к миру искусства, но, как почти любой миллионер, активно «окучивал» молодых красоток, которых всегда будет в достатке в мире кино, балета и шоу-бизнеса. Завсегдатай светских вечеринок, Джеймс ухаживал за известными красавицами Авой Гарднер, Джоан Коллинз, Джин Симмонс. В 1951 году в этом ряду появилось имя Одри Хепберн. Очень скоро отношения между парой стали описывать бойкие журналисты, вспоминая и то, что мужчина был на семь лет старше Одри, что владел несметным богатством и что красавица попала в лапы бизнесмена-плейбоя.

Афиша британского фильма «Секретные люди», 1957 г.

О любовном романе, который не мог ускользнуть от внимания баронессы Эллы, заговорили в свете. Мать тут же одобрила выбор дочери, презрев условности. Она не раз высказывала мнение, что такой выгодный союз может сделать ее дочь счастливой.

В том же 1951 году, но уже летом, Одри играла в глупой комедии под названием «Крошка из Монте-Карло» («Ребенок из Монте-Карло»; первоначальное название «Мы едем в Монте-Карло»), к счастью, быстро забытой публикой. Находясь вдали от Лондона и отвлекаясь на съемки фильма, который ей не нравился, Одри поняла, что сильно скучает по Джеймсу и боится его потерять.

Во время пребывания в Монако с будущей звездочкой произошел удивительный случай. Судьба свела ее с человеком, кардинально изменившим жизнь и карьеру Одри Хепберн.

Одри в начале 50-х гг.

Глава 7

Сидони-Габриэль Колетт. «Вот моя Жижи!»

Как-то съемки проходили перед роскошным «Отелем де Пари». Пока шли съемки, с моря в отель вернулась постоялица. Пожилая женщина, сидевшая в инвалидной коляске, жестом остановила мужчину, который сопровождал ее. Понаблюдав за съемками, она что-то прошептала своему спутнику, а затем он вкатил ее кресло в вестибюль отеля. Мужчиной, сопровождавшим пожилую даму, был Морис Гудекет, а в коляске сидела его жена – эксцентричная и знаменитая французская писательница Сидони-Габриэль Колетт. Ее популярность ширилась благодаря череде браков и любовных связей с представителями обоих полов, рассказ о которых женщина часто излагала на бумаге. Колетт была не только писательницей, но актрисой, поэтессой и художницей в одном лице. Она никогда не мирилась с требованиями общественной морали и безжалостно критиковала социальное ханжество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.